

РОХИНТОН МИСТРИ

ТАКОЕ ДОЛГОЕ СТРАНСТВИЕ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(71) 115x180
ББК 84(7Кан)-44
М65

Серия «Эксклюзивная классика»

Rohinton Mistry
SUCH A LONG JOURNEY

Перевод с английского *И. Дорониной*

Под редакцией *В. Полуэктова*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Ферец*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Публикуется с разрешения
Westwood Creative Artists and Synopsis Literary Agency.

Мистри, Рохинтон.

М65 Такое долгое странствие : [роман] / Рохинтон Мистри; [перевод с английского И. Дорониной]. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 640 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-172743-7

Первый роман Рохинтона Мистри, принесший ему международный успех.

1971 год. Индия ведет вооруженное сопротивление против Пакистана, не признающего независимость бенгальских народов. Газеты и телевидение навязывают политические лозунги, разобщая людей. Но меньше всех им верит трудолюбивый банковский служащий и преданный семьянин Густад Нобл, чей привычный уклад жизни неумолимо рушится.

Его сын бунтует против ценностей отца, друг оказывается втянутым в сеть обмана, серьезно заболевает его маленькая дочь...

Автор не раз поставит героя перед трудным жизненным выбором, поднимая важнейшие для человечества вопросы — вопросы семьи и дружбы, нравственности и гуманности.

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-17-172743-7

© Rohinton Mistry, 1991
© Перевод. И. Доронина, 2022
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2025

Посвящается Френи

Созвал он старейших священнослужителей и спросил их, имея в виду властителей, некогда правивших миром: «Как держали они мир в руках своих в начале начал, — спросил он, — и как случилось, что оставили они его нам в таком плачевном состоянии? И как умели они жить без забот в дни своих героических деяний?»

Фирдоуси. Шах-Наме

*Все это было в холод,
В худшее время года
Для похода, да еще такого долгого...¹*

Т. С. Элиот. Паломничество волхвов

*Когда старые слова замирают на устах,
новые рвутся из сердца; и там, где стезя
теряется, открывается новая страна
чудес².*

Рабиндранат Тагор. Гитанджали

---

¹ Перевод С. Кирюты.

² Перевод Н. Пушешникова.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Едва забрезжил в небе первый утренний свет, как Густад Нобл, обратившись лицом на восток, уже возносил молитвы Ахура Мазде. Время приближалось к шести часам утра, и в кроне единственного во всем дворе дерева зачирикали воробьи. Густад слышал их щебетанье каждое утро, когда молился, повязывая пояс *кушти*¹. Было в этом щебете что-то ободряющее. Воробьи всегда начинали первыми, за ними следовало воронье карканье.

Чуть дальше, возле дома, край тишины начинало обкусывать металлическое позвякивание кастрюль и кувшинов. Знакомый *бхайя*² сидел на корточках возле своего высокого алюминиевого

---

¹ Нательный пояс кушти — в зороастризме — символ готовности служить богу-творцу Ахура Мазде. Ежедневно зороастрийцы несколько раз развязывают кушти и с чтением особой молитвы повязывают его вновь. Пояс оборачивается вокруг талии трижды, что символизирует этическую триаду зороастризма: благие мысли — благие слова — благие дела.

² Б х а й я — буквально на хинди означает брат. Общепринятое обращение к незнакомцу или человеку, имени которого ты не знаешь.

6   бидона и разливал молоко в сосуды, подставлявшиеся домохозяйками. Его маленький мерный стакан на длиннющей ручке, загнутой на конце крючком, нырял в бидон и выныривал из него, нырял и выныривал, быстро, не проливая почти ни капли. Обслужив очередного покупателя, продавец вешал стакан на горлышко бидона, поправлял свое *дохоти*¹ и потирал колени в ожидании платы. С пальцев осыпались чешуйки сухой кожи. Женщины с отвращением закатывали глаза, но в утренней безмятежности раннего света царил мир.

Густад Нобл слегка сдвинул вверх с широкого лба, прочерченного многочисленными морщинами, свою моленную шапочку, пока она свободно не уселась на его седой шевелюре. Ее черный бархат резко контрастировал с пепельно-серыми бачками, а вот густые ухоженные усы были такими же черными и бархатистыми, как шапочка. Когда бы речь ни заходила о здоровье и болезнях, для друзей и родственников высокий широкоплечий Густад всегда служил объектом зависти и восхищения. Для мужчины, одолевающего приливную волну пятого десятка лет жизни, говорили они, он выглядел очень крепким. Особенно учитывая то, что несколькими годами раньше он получил тяжелую травму; но даже от нее осталась лишь легкая хромота. Его жена ненавидела подобные разговоры. Она всякий раз мысленно стучала по дереву от сглаза и озиралась вокруг в поисках стула или сто-

---

¹ Д х о т и — набедренная повязка индусов.

ла, чтобы незаметно прикоснуться пальцами. Но сам Густаф не имел ничего против разговоров о том дне, когда он рискнул собственной жизнью, чтобы спасти старшего сына.

На фоне лязга молочного бидона и болтовни покупательниц раздался визгливый крик:

— Ах ты вор! Сдать бы тебя в полицию и посмотреть, как ты будешь разводить водой молоко, после того как они тебе руки переломают!

Голос принадлежал мисс Кутпитель, и с ним рассветный покой уступил место неистовству нового дня.

Угрозам мисс Кутпитель недоставало убедительности. Сама она никогда не покупала молоко у *бхайи*, но была твердо уверена, что, регулярно браня, помогает — в интересах остальных жильцов дома — держать его в узде. Должен же кто-то дать понять этим мошенникам, что дураков здесь, в Холадад-билдинге, нет. Мисс Кутпитель была иссохшей семидесятилетней женщиной, редко выходившей из дома, поскольку, как она говорила, кости у нее день ото дня каменеют.

Впрочем, если уж на то пошло, о своих костях, да и вообще о чем бы то ни было, она мало с кем в доме могла поговорить из-за приобретенной за долгие годы репутации человека злобного, грубого и даже чокнутого. Для детей она была ожившей ведьмой из их волшебных сказок. Пробегая мимо ее двери, они норовили выкрикнуть: «Спасайся от *карги*! Спасайся от *карги*!» — не столько от страха, сколько из желания спровоцировать ее, заставить бормотать проклятья, потрясая кулаком. Каки-

8 ми бы ни были у нее кости, окаменевшими или неокаменевшими, когда хотела, она могла двигаться с удивительным проворством, бросаясь от окна к балкону на лестнице, если желала увидеть, что происходит во дворе.

Бхайя привык к этому безличному голосу и только бормотал, адресуясь скорее к своим покупательницам:

— Как будто я сам делаю это молоко. Его коровы дают. *Малик*¹ говорит — иди продавай молоко, я иду, вот и все. Какой толк бранить такого бедного человека, как я?

Покорные и усталые в неверном утреннем свете лица покупательниц мимолетно обретали выражение смиренного достоинства. Женщинам не терпелось поскорей купить бледную разбавленную молочную жидкость и вернуться к своим домашним делам. Дильнаваз тоже стояла в очереди с алюминиевой кастрюлей в одной руке и деньгами в другой. Восемь лет назад, по случаю празднования первого дня рождения их дочери Рошан, эта изящная хрупкая женщина коротко остригла свои темно-каштановые волосы и до сих пор носила эту прическу. Она не была уверена, что короткая стрижка подходит ей и сейчас, хотя Густад уверял, что ей идет. Но на вкус мужа она никогда не могла положиться. Когда в моду вошли мини-юбки, она, просто шутки ради, высоко поддернув подол платья, продефилировала по комнате, вызвав не-

---

¹ М а л и к — букв.: царь, властитель. Здесь: глава племени, рода, староста села или квартала, старшина.

удержимый взрыв смеха у Рошан. Одна- 9
ко Густад счел, что ей стоит всерьез по-
думать о смене образа: представь себе, сорокаче-
тырехлетняя женщина в мини-юбке. «Мода — это
для молодых», — ответила она ему, тем не менее
почувствовав себя польщенной. А он своим звуч-
ным низким голосом пропел из песни Ната «Кин-
га» Коула:

Состариться тебе не суждено судьбой,
Коль сердце будет, как сейчас, любовью полно.
Пусть годы серебрят каштановую прядь,
Все так же в старом кресле будешь ты мечтать...

Ей нравилось, когда он в третьей строке менял
«золотые» волосы на «каштановые», расплываясь
при этом в широкой улыбке.

На стенках кастрюли, которую она держала
в руках, виднелись следы от вчерашнего молока.
Последние капли его она только что вылила в чай
себе и Густаду, не успев после этого вымыть ка-
стрюлю. Успела бы, если бы не сидела так долго,
слушая, как Густад зачитывает ей отрывки из газе-
ты, и если бы до того они не разговаривали о сво-
ем старшем, о том, как он скоро будет учиться
в Индийском технологическом институте.

— Сохраб прославится, вот увидишь, — сказал
Густад с законной отцовской гордостью. — Нако-
нец-то оправдаются все наши жертвы.

Она сама не понимала, что на нее нашло этим
утром, почему она сидела и болтала с ним, теряя
время попусту. Но, с другой стороны, не каждый
день приходят такие хорошие для их сына новости.

10 Дильнаваз продвигалась вперед по мере того, как одна за другой отходили стоявшие перед ней женщины и приближалась ее очередь. Ноблы, так же как и все остальные, бесконечно долго ждали государственных пайковых карточек на молоко, а пока оставались постоянными покупателями *бхайи*, чей короткий хвостик волос, росший из самого центра макушки его в остальном идеально выбритой головы, не переставал смещать женщину. Она знала, что это был обычай какой-то индусской касты, точно не помнила какой, но все равно не могла не думать о том, что он напоминает хвостик серой крысы. По утрам, когда *бхайя* смазывал скальп маслом, хвостик начинал блестеть.

Покупая у него молоко, она вспоминала времена, когда продовольственные карточки существовали только для бедноты и слуг, когда они с Густадом могли позволить себе покупать чудесное жирное молоко парсийской молочной фермы (мисс Кутпитье оно и теперь доступно), это было до того, как цены начали расти, расти и расти, никогда не снижаясь. Лучше бы мисс Кутпитья перестала ругать *бхайю*. Пользы от этого никакой, он только больше обижается на них всех и бог его знает что может сделать с молоком, — не секрет, что бедняки из ветхих лачуг и *джхопадпатти*¹ Бомбея и его окрестностей порой смотрят так, словно хотят вышвырнуть тебя из твоего дома и поселиться в нем со своей семьей.

---

¹ Джхопадпатти — трущобы из палаток и навесов, сделанных из брезента и фанеры.

Кутпитьи благие, несмотря на истории о странностях старухи, которые годами циркулировали по дому. Густад старался как можно меньше контактировать с ней, говорил, что от ее безумного вздора даже у психически совершенно здорового человека мозги могут свихнуться. Дильнаваз была, пожалуй, единственной подругой мисс Кутпитьи. С детства воспитанное безоговорочное уважение к старшим помогало ей терпимо относиться к особенностям ее характера. Она не видела в них ничего отталкивающего и раздражающего — да, иногда они казались забавными, иногда утомительными, но оскорбительными — никогда. В конце концов, большей частью мисс Кутпитья желала лишь помочь людям, дать совет в случаях, необъяснимых с точки зрения законов природы. Она утверждала, что способна как снимать, так и наводить порчу, сведуща в магии, как белой, так и черной, умеет предсказывать события, толковать предзнаменования и сны. А самым главным, по словам мисс Кутпитьи, было то, что она обладала даром понимать тайные смыслы обыденных явлений и случайных происшествий. Ее прихотливое и склонное к фантастике воображение порой работало весьма занятно.

Дильнаваз дала себе обещание никогда не поощрять ее без крайней надобности, но понимала, что в возрасте мисс Кутпитьи нет ничего важнее, чем иметь терпеливого слушателя. А кроме того, есть ли на свете человек, который хоть раз, в определенных обстоятельствах, не поверил бы в сверхъестественное?

12 Звяканье и болтовня вокруг молочника казались Густаду чем-то очень отдаленным, пока он тихо бормотал молитвы под *мелией*¹; утренний свет выигрышно освещал его красивую, облаченную в белое фигуру. Произнося соответствующий отрывок, он развязывал очередной узел на *кушти*, опоясывавшем его. Размотав все девять футов своего тонкого, вручную сплетенного ритуального пояса, он, чтобы отогнать злого духа Ахримана, трижды щелкнул им в воздухе, как хлыстом, тем отработанным движением кисти, какое достигается только при регулярном исполнении обряда *кушти*.

Эту часть молитвы Густад любил особенно, даже в детстве, когда воображал себя отважным охотником, бесстрашно углубляющимся в неизведанные джунгли и вооруженным лишь своим могущественно священным *кушти*: хлестнув в воздухе этим ритуальным шнуром, он будет отсекал головы бегемотов, вспарывать животы саблезубых тигров, истреблять армии дикарей-людоедов. Однажды, роясь на полках отцовского книжного магазина, он обнаружил любимую в Англии историю о победителе дракона. С тех пор каждый раз, произнося молитвы, Густад представлял себя парсийским святым Георгием, рассекающим драконов надвое своим верным *кушти*, где бы он их ни встретил: под обеденным столом, в шкафу, под

---

¹ М е л и я — вечнозеленое дерево, имеющее много других названий: ниим, индийская сирень, индийское тюльпановое дерево, маргоза и др.

кроватью или даже за сушилкой для белья. Отовсюду выкатывались окровавленные, отделенные от туловища головы огнедышащих монстров.

Двери открывались и с грохотом захлопывались, позвякивали монеты, чей-то голос из окна давал особые распоряжения *бхайе* насчет завтрашней доставки. Кто-то обращался к нему с шуткой: «Эй, *бхайя*, почему бы тебе не продавать молоко отдельно, а воду отдельно? И покупателю лучше, и тебе легче — разводить не надо». Шутка всегда сопровождалась бурными оправданиями *бхайи*.

Из чьего-то открытого окна тихо, вкрадчиво доносился первый утренний выпуск новостей контролируемого правительством Всеиндийского радио. Чистая медоточивая речь на хинди, как бы лаская утренний воздух, составляла доверительный контрапункт голосу Всемирной службы Би-би-си, напористо рвущемуся из другого окна сквозь треск и шипение коротковолновых помех.

Ни шутки, ни радио не отвлекали Густада от молитвы. Сегодня новости не могли нарушить его благоговения, потому что он уже видел «Таймс оф Индия». Не в силах заснуть, он встал раньше обычного. Когда включил воду, чтобы почистить зубы и прополоскать горло, вода вырвалась из крана с громким бульканьем, что застало его врасплох. Он отскочил назад, отдернув руку. Воздух скопился в трубах, сказал он себе, поскольку воды не было с семи часов вчерашнего дня, когда муниципалитет прекратил подачу дневной квоты. Он чувствовал себя глупо: испугался водопроводно-

14   го крана. Закрутив вентиль, он стал откручивать его снова, но теперь медленно, понемногу. Трубы продолжали угрожающе рычать.

Для Дильнаваз это привычное шипящее и плюющееся бурление было сигналом к подъему. Ощупав кровать рядом с собой и убедившись, что место Густада пусто, она улыbnулась, так как ожидала, что сегодня он встанет первым, сонно взглянула на часы, перевернулась на живот и закрыла глаза.

II

Тем утром, задолго до рассвета и времени молитвы, Густад с нетерпением ждал, когда принесут «Таймс оф Индия». Еще стояла крошечная тьма, но он не включал свет, потому что в темноте все казалось ясным и упорядоченным. Он поглаживал подлокотники кресла, в котором сидел, размышляя о десятилетиях, прошедших с тех пор, как его дед с любовью сделал это кресло в своей мебельной мастерской. Как и этот черный письменный стол. Густад хорошо помнил вывеску над входом в дедовскую мастерскую, даже сейчас он словно бы видел ее воочию, как фотографию, поднесенную к глазам: *«Нобл и сыновья. Красивая мебель на заказ»*, помнил он и первый раз, когда увидел эту вывеску, он был тогда еще слишком мал, чтобы читать, но картинки вокруг слов узнал сразу: застекленный шкаф из блестящего дерева вишневого цвета, огромная кровать с балдахином на четырех столбцах, великолепных пропорций стулья

с резными спинками и гнутыми ножками, величественный черный письменный стол — все это была мебель из дома его детства. 15

Несколько ее предметов и теперь стояло у него в квартире, спасенные из когтей банкротства, — слово казалось холодным и острым, как резец, и звучало жестоко и безжалостно, как лязг железных подковок на ботинках судебного пристава. Подковки зловеще цокали по каменным плиткам пола. Ублюдок-пристав хватал все, что попадало под его грязные руки. «Бедный мой отец. Он потерял все. За исключением нескольких вещей, которые мне удалось спасти с помощью Малколма в его стареньком фургоне. Их пристав так и не нашел. Каким же хорошим другом был Малколм Салданья! Жаль, что мы с ним потеряли связь. Настоящий друг. Такой же, каким был когда-то майор Билимория».

При воспоминании о последнем Густаде покачал головой. Проклятый Билимория. После того как он повел себя настолько бесстыдно, у него теперь хватило духу написать и попросить о помощи, словно ничего не случилось. Что ж, он может ждать ответа до самой своей смерти. Густад выкинул из головы его беспардонное письмо, которое грозило нарушить мирную степенность царившей вокруг темноты. Мебель из детства снова уютно обступила его, как будто заключила в безопасные скобки всю его жизнь, оберегая здравость рассудка.

Густад услышал, как снаружи поднялся металлический козырек почтовой щели, и почти сразу